

Юрий Тетлов

ШАХИДКИ

роман

Юрий Теплов
Шахидки. Роман

«Издательские решения»

Теплов Ю.

Шахидки. Роман / Ю. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904166-1

Этот роман — продолжение книги «Смута», открывшей серию книг, объединенных персонажами — сотрудниками секретной силовой структуры с кодовым названием БД-7. Происходящие в нем события охватывают период первого десятилетия 21 века — время, когда по России прокатилась волна террористических актов. И не только в России, в Европе тоже. В основу романа положены не связанные друг с другом реальные события, освещавшиеся в разное время в прессе. Жанр романа — историческая проза с детективным сюжетом.

ISBN 978-5-44-904166-1

© Теплов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Чемпионка на тропе войны	6
Побег из кишлака	6
Золотозубая мишень	12
Засада	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шахидки Роман

Юрий Теплов

Корректор Светлана Шугина

© Юрий Теплов, 2018

ISBN 978-5-4490-4166-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот роман – продолжение книги «Смута», открывшей серию книг, объединенных персонажами – сотрудниками секретной силовой структуры с кодовым названием БД-7.

Происходящие в нем события охватывают период первого десятилетия 21 века – время, когда по России прокатилась волна террористических актов. И не только в России, в Европе тоже. Следующие две книги – «Шахидки» и «Чужие среди чужих». Если кто-то из читателей узнает в героях романов конкретных лиц российской политики, Вооруженных сил, криминального бизнеса и адвокатуры новой формации, заранее заявляю, что сюжет – авторский вымысел. В его основу положены не связанные друг с другом реальные события, освещавшиеся в разное время в прессе.

Жанр романа – историческая проза с детективным сюжетом.

Автор.

«Она выскользнула из форточки и спикировала в колючий кустарник. Кроме мусорных баков, укрытия не было. Не раздумывая, кувыркнулась в один из них. Бак был заполнен на половину. Забросала себя сверху арбузными корками и замерла. Ее всю заполнила злость. Если Бородач обнаружит ее, она выцарапает ему глаза. У нее есть еще зубы, ноги, локти. А потом пусть, хоть застрелят! Ощутила, как над баком нависла тень. Бородач ковырнул пальцем арбузную корку. Доложил полковнику:

– Нет тут никого, одна вонь...».

Часть первая. Чемпионка на тропе войны

Побег из кишлака

1.

Сколько Юлька просидела в оцепенении, она не знала. Может, минут пять, а может, и больше. Затем лихорадочно вскочила и выглянула из комнаты. В коридоре никого не было. Открыла первую попавшуюся дверь и увидела стол, замусоренный обедками. Где выход, она понятия не имела. Тыкалась во все закоулки, обнаружила ванну-бассейн с двумя душами, унитазом и биде. Окна в этом заплеванном бабоприемнике были большими, но тоже забраны в железную сетку. Шарахалась от одного зарешеченного окна к другому. Все было напрасно, пока не оказалась в холуйском туалете. Там и обнаружила открытую форточку. Форточка была квадратной, а не прямоугольной, как в городских квартирах.

Взобравшись на подоконник, Юлька просунула в форточку руки, голову и плечи. Подумала, хорошо, что у нее мальчишеская попа, не как у Вали Пинегиной. Она выскользнула наружу и спикировала, выставив вперед руки, в колючий кустарник. Не чувствуя царапин, рванулась к воротам. Но вовремя заметила огонек сигареты охранника. Кроме мусорных баков, никакого укрытия поблизости не было. Не раздумывая, кувыркнулась в один из них. Бак был заполнен на половину – забралась в углубление, забросала себя сверху арбузными корками и замерла.

Со стороны купальни донеслись громкие голоса. Юлька разобрала лишь голос хозяина – холеной золотозубой морды в полковничьем звании. Возвращались они напрямую, поднимаясь к своему ментовскому кишлаку по невидимой тропе. Оказывается, в высоченном заборе была еще и калитка, скрытая кустами, причем открытая. Через нее купальщики и попали во двор.

– Закрой! – приказал Холеная морда бородачу, пнувшему в парковой аллее улепетывавшего пижона Толика.

– Ключи, блин, от калитки выронил, – пробубнил бородач.

– Иди, ищи! – распорядился хозяин и пошагал в дом.

Тот отправился к купальне. Остальные тоже скрылись в кишлаке. Юлька уже собралась метнуться к калитке, когда на крыльцо высыпали все во главе с хозяином.

– Сбегла сучка! – процедил он. – Обшарьте все кусты и берег! И приволоките девку в кишлак! Фонари захватите!

Юлька слышала, как полковник топтался на ступеньках, и молила Бога, чтобы он скорее ушел. Но тот уходить не собирался.

Прошло минуты три. Скрипнула калитка.

– Нашел ключи? – спросил хозяин.

– Около мостков валялись, – прогудел тот.

– Если еще раз разинешь рот, без бобла останешься. Закрывай калитку и глянь в мусорный бак.

– Зачем?

– Кошелка сбегла. Через форточку.

Юлька вжалась в мусор. Мир для нее перестал существовать. Ее всю заполнила злость. Если Бородач обнаружит ее, она выцарапает ему глаза. У нее есть еще зубы, ноги, локти. А потом пусть, хоть застрелят!

Она заметила, вернее, ощутила, как над баком нависла тень. Бородач недовольно сопел, ковырнул пальцем арбузную корку. Доложил:

– Нет тут никого, одна вонь.

– Ладно. Бери фонарь – тоже искать!

Юлька прислушалась. Ни звуков, ни шевелений. Высунула голову наружу. Двор был пуст, на крыльце никого не было. У ворот маячила в свете прожектора фигура охранника с автоматом. Оставалось дожидаться, когда он повернется спиной – и к калитке. Только надо поймать момент.

Наконец, охраннику надоело шагать туда-сюда, Он опёрся о столб и стал прикуривать. Самое время!

Юлька выметнулась из бака, двумя кошачьими прыжками скрылась в кустах терновника и подползла к забору. До калитки было рукой подать. Охранник у ворот паялся на огни фонарей, шаривших по кустам.

Калитку она перемахнула легко. Аллеи парка и дороги ей противопоказаны. Надо напрямую – к домам. Там ее вряд ли станут искать. Она стала карабкаться по крутому и темному склону наверх. Выбравшись, заспешила в пустую окраинную улицу...

Чем ближе к дому, тем медленнее Юлька шла. К ногам будто привязали гири. Думать о том, что случилось, не хотелось. Единственное желание, которое будоражило почти отключившийся мозг – исчезнуть, раствориться в пространстве, чтобы не видеть этот город и не чувствовать одуряющий запах майской сирени, смешанный с вонью мусорного бака. Но вешаться, топиться или прыгать с седьмого этажа дома, где она жила с родителями, Юлька не собиралась. Даже мыслей об этом не возникало. Им не давала выхода переполнявшая ее злоба. И к пижону Толику, удиравшему прыжками по аллее. И к усатому чуреку с золотыми зубами, провонявшему чесноком. И к его холуям...

Нет, жаловаться я не пойду, позор мне ни к чему, думала она. Да и кому жаловаться, если Юлька узнала его. Любая жалоба замкнется на него самого. Его холеная физиономия иногда появлялась на экране телевизора. Отвечал, сволочь, на вопросы телезрителей, рассказывал, как успешно борется с преступностью...

Она шла домой, а ноги отказывались повиноваться. Дома встретят мама с папой. Взглянут требовательными глазами: где это их дочь – выпускница школы шляется почти до рассвета? С кем была? Чем занималась?

Ну что им объяснить? Не рассказывать же о том, что стряслось с их единственным ребенком! А придумывать, как обычно, оправдание, у нее не было никакого желания. Главное, быстрее упасть в постель и спать, спать, спать. Чтобы все показалось после пробуждения дурным сном. А потом, в школе, небрежно бросить рюкзачок под парту и сказать презрительно:

– Трусишки-то поменял, Толик?

Юлька брела по пустынным улицам и ничего не боялась. Отбоялась на всю оставшуюся жизнь. На проспект, где стоял старомоноклатурный родительский дом, выходить не стала. Подобрала по дороге кирпич и свернула в темный переулок. Пусть только кто привяжется! Кирпичом по голове – и все дела. Одним подонком станет меньше. И никто убийцу искать не будет. А если и будут, то не найдут. Кто подумает на пай-девочку из профессорской семьи, отличницу и чемпионку города среди школьников по стрельбе из малокалиберной винтовки?..

Но никто на нее не напал. До самого дома не встретилось ни одной души.

Поднялась на свой седьмой этаж, а поднявшись, обнаружила, что ключей от квартиры у нее нет. Наверное, выронила, когда пряталась в мусорном баке, а потом ползла вдоль забора к калитке. Звонить в дверь – все равно, что нажимать на больной зуб. Но ей ничего не оставалось, как нажать на черную кнопку.

Похоже, мама стояла за дверью.

- Где ты была, Юлия? – грозно спросила она.
- У Алисы, – не поднимая глаз, ответила она.
- Не ври! Я звонила Алисе и Даше, тебя у них не было.

В ее голове завертелись имена подруг, у которых бы не было телефона. Выискала Валю Пинегину, с ней они занимались в стрелковой секции.

- Я была у Вали.
- У какой еще Вали?
- Пинегиной. Из параллельного класса.
- Кто у нее родители?
- Мама – домохозяйка.
- Отца, конечно, нет?
- Есть. Шабашит по стройкам.
- Боже мой! Шабашит! Кто там был еще из вашей компании?
- Из нашей компании – никто.
- А в квартире?

– Была Валина тетка с маленькой дочкой и любовником, – она врала напрапалую, не соображая того, о чем говорит.

– Откуда ты знаешь, что та женщина пришла с любовником?.. И почему вся твоя куртка грязная и пахнет, будто тебя таскали по помойкам?

Юльку вдруг заполнила глухая ненависть. Не к матери с отцом как к личностям, а к тому, что они такие тупые. Она перестала воспринимать мать как мать. Видела только женщину, которая делала ей больно. И не соображала, какие гадкие слова выпаливает:

– Я же не стучу папе, когда к тебе приходит твой начальник! А когда папа возвращается с дачи, ты топчешься перед ним и мурлыкаешь, как кошка!

– Что ты болтаешь! – всплеснула руками мать. – Как тебе не стыдно!

И она опомнилась. Не хватало еще родительского развода. А маман сникла, заметно побледнела. Юльке показалось, что сейчас она свалится на пол. Мать сделала шаг к вешалке и, держась за стенку, стала опускаться на обувную полку. Юлька поддержала ее и не сразу врубилась, что ее тормозит за руку отец:

- Это правда, дочка?
- Не бери в голову, папа, – пробормотала я. – Это я со зла наговорила.
- Разве так можно, Юля?
- Угнетенному человеку все можно.
- Кто тебя угнетает?
- Маман. А ты ей всегда поддакиваешь.
- Мама открыла глаза, окинула мужа и дочь скольльзящим взглядом.
- Признайся отцу, что ты про меня все наврала.
- Уже призналась, – буркнула она.

Прошла в свою комнату. Не зажигая света, бросилась прямо в грязной куртке на постель и замерла с открытыми глазами. Ей не хотелось никого видеть и никого слышать.

Через какое-то время тихо открылась дверь, и в комнату скользнула мать. Присела на тахту. Юлька ждала, что она скажет.

Но та тихо произнесла:

- Зачем ты так, Юлия?
- А ты зачем?
- Я – твоя мать. У меня за тебя сердце болит. А ты...

– Что я? Что я?.. Ты всю жизнь на меня давила. Даже теперь заставляешь носить косички с бантиками, хотя я уже выросла из бантиков... И на папу давила. На кафедре был у тебя подчиненным, дома под каблуком...

– О чем ты говоришь, Юлия?

– О том, о чем давно было надо поговорить. Потому не спрашивай, почему я пришла поздно.

Выговорившись, она словно сняла с души часть давившей ноши. Мать продолжала сидеть рядом. Юлька даже в темноте ощущала ее растерянность. Такой она никогда не видела ее. Ей стало жалко родительницу.

Наконец, мать проговорила безо всяких властных ноток:

– Разденься и ложись нормально.

– А ты иди к папе, – ответила Юлька.

Мать вышла, тихо прикрыв дверь. Минут через пять Юлька тоже встала. И стала раздеваться в темноте. Куртку отбросила в сторону, папа постирает завтра, обязанности домохозяйки лежали на нем, как временно безработном... Стянула джинсы, недавно купленную кофточку, с отвращением освободилась от кружевных трусиков. Колготки остались в кишлаке. А лифчиков она принципиально не носила, еще наносится, когда груди отвиснут... Всю эту грудую вещей, еще вчера нравившихся ей, в пакет и утром – в мусоропровод, чтобы не будоражили память... Не к чему заикливаться, если поезд уже отошел от платформы! Будут новые остановки и конечная станция, где все незнакомо и непонятно, что тебя ждет.

Почти успокоенная, Юлька прошлепала в ванную комнату. Забравшись в горячую воду, с остервенением терла себя щеткой. Сдирала налипшую гнусь и беспомощные мысли.

У нее начиналась новая жизнь. И еще она знала теперь, ради чего будет жить.

Юлька ни разу не проснулась, хотя сон ее был чутким, как у собаки. Сновидения накачивались обрывками и походили на явь. В них появлялись родители, школа, пижон Толик и огромная, как боксерский ринг, кровать с грязными простынями. И все это вдруг заслонила сутулая фигура Рамиля Ахсановича, бывшего чемпиона страны по стрельбе, зарабатывающего теперь на хлеб тренерской работой.

– Не думай, девочка, о том, что хочешь поразить мишень, – говорил он. – Ты просто обязана поразить ее. Представь, что стреляешь по врагу...

И перед ней вдруг ожила на бетонной стене тира черно-белая мишень с зеленым силуэтом. Черными кольцами была исполосована холеная усатая морда главного борца с преступностью. Центр круга приходился на жирные губы. Она нажимала на курок и точно знала, что каждый выстрел попадал в цель. А Рамиль Ахсанович, стоя рядом с биноклем, удовлетворенно приговаривал:

– Десятка. Десятка. Молодец, девочка, опять десятка...

С этой «десяткой» она и проснулась. Над ней склонился отец.

– Ты не заболела, Юленька? – спросил. – Раньше во сне никогда не разговаривала.

– Нет, не заболела, папа. Сколько времени?

– Одиннадцать. Я пожалел будить тебя в школу. Маме только не говори.

– Спасибо, папа. Не скажу. Мама на работе?

– Да. К ним сегодня прибалты приезжают. Насчет совместного предприятия. Она должна подготовить научную документацию.

У нее хватило ума сообразить, что вчерашний инцидент, вызванный ее болтливостью откровением, исчерпан. Впрочем, она и не сомневалась, что так и будет. Маман легко гасила супружеские конфликты, пуская в ход все женские уловки. Это Юльке, чтобы восстановиться и снова стать нормальным человеком, требовались время и расчетливая подготовка. Она знала, что финиш когда-нибудь будет, только не знала, где и когда. И старалась пока о том не думать.

– Встаю, папа, – потянулась она ленивым котенком. И добавила, зная, что ему будет приятно: – Есть хочу. Ты что-то вкусненькое приготовил?

– Собираю на стол, доча. Твои любимые гренки с сыром...

2.

Весь день Юлька бездельничала, хотя выпускные экзамены были на носу. Вчерашний кошмар она выкинула из головы, но царапину на душе чувствовала ежесекундно. И старалась заполнить день приятными и пустыми заботами. Сняла с ногтей облупившийся бледно-розовый лак и нананикюрила их красным. Лениво пролиставла какой-то детектив. Испробовала разные прически для своей густой пепельно-каштановой копны... В общем, чистила перышки, пока день не перевалил через половину второй половины.

Отец, вооружившись старой хозяйственной сумкой, отправился на рынок. Проводив его, Юлька перво-наперво достала из-под тахты пакет со вчерашней одеждой. Выскочила на лестничную площадку, спустилась на один пролет к мусоропроводу и похоронила в нем память о случившемся. Затем, как повелел отец, сидела на кухне и приглядывала за кастрюлей, в которой варилось мясо. Сделала себе кофе, отхлебывала его, смакуя каждый глоток, и жевала блины с творогом. Мясной бульон, конечно же, сбежал из кастрюли. Она чуть успела поймать его остатки, выключив газ. Протерла плиту, добавила из чайника в кастрюлю кипяченой воды, чтобы скрыть следы своей безответственности. В этот момент и раздался звонок в дверь. Видимо, вернулся с рынка папа.

Она не спросила: «Кто?». Отщелкнула замок. Распахнула дверь. Перед ее очами предстал собственной персоной прыгун Толик с модной спортивной сумкой через плечо. Заслонив собою проход в квартиру, Юлька уставилась на него, как на муху, ползающую по стеклу.

– Понимаешь, Юля, – проговорил он через паузу. Она не дала ему закончить:

– Чао, бамбино! Носи в кармане запасные трусы! – и захлопнула дверь.

Вернулся с рынка папа. Она помогла ему выложить на стол вакуумные упаковки пельменей, картошку, капусту, помидоры...

Неплохо зарабатывала маман, если они могли в мае позволить себе покупать помидоры и огурчики. А многие знакомые девчонки недоедали, лишь бы купить на барахолке новые китайские джинсы с нашлепками от известной фирмы...

Напоследок папа залез в бездонный карман своего плаща и, достав брусочек киндер-шоколада, церемонно вручил ей. Такой вот он, все еще считал ее маленькой, баловал, как первоклашку. Она сказала «спасибо», чмокнула его в щеку и заявила, что должна идти на тренировку.

– Ты же бросила это занятие, дочка.

– Решила снова заняться.

– Оно, конечно, – неуверенно проговорил папа. – Только не девичье это дело. Но коли решила...

Юлька не стала дожидаться, когда он что-то сотворит из разбавленного кипятком мясного бульона. Натянула старые джинсы, ветровку с капюшоном и сделала родительню ручкой.

Дворец молодежи, называемый раньше Домом пионеров, располагался почти в центре. Доехав на троллейбусе до мэрии, Юлька пошла дальше пешком, мимо трехэтажного здания управления внутренних дел. У входа в него стоял мент с короткоствольным автоматом. Здесь боролся с организованной преступностью усатомордый и золотозубый кавказец.

Её пропуск во Дворец молодежи действовал до конца года. Она уверенно прошла в раздевалку. И там увидела ту, на которую вчера сослалась в разговоре с маман – свою постоянную соперницу на соревнованиях Валю Пинегину. Они никогда особо не дружили, но тут Юлька по-настоящему обрадовалась.

– Валюха!

– Юлька! – оказалась подруга-соперница в ее объятиях. – Снова к нам?.. Тебя дед Рамиль часто вспоминает.

Они спускались по щербатым ступенькам в подвал, где располагался тир.

Валя – маленькая и аккуратненькая, со скуластым личиком и монгольским разрезом глаз. Она была старшей в многодетной семье. Ее мама Нюра была добрейшей женщиной. Юлька убедилась в этом, когда прошлой осенью после финальных соревнований юниоров Валя затащила ее к себе домой, в большую комнату коммунального барака. Кроме нее, в семье было еще трое детей, и за Валею постоянно таскалась семилетняя сестренка Танюшка. Всеми, в том числе и тетей Нюрой, руководила баба Оня, сухая и высокая бабуля с командирским голосом.

В тот раз все уселись за стол, накрытый вытертой клеенкой, и лопали пирожки с капустой. Когда оттрапезничали, баба Оня, глядя на них с Валею, вдруг спросила:

– А женихи-то у вас есть, девчонки?

– Рано еще о женихах думать, – беспечно ответила Юлька.

– Глядите, а то простреляете свою судьбу!

– А я не простреляю, – вмешалась сероглазая Танюшка. – За военного летчика выйду замуж, вот!

– Где же ты его возьмешь? – усмехнулась Валя.

– Колька из двухэтажки станет летчиком...

Такая вот приятная непутевщина промелькнула в Юлькиной памяти, когда они спускались в тир.

Рамиль Ахсанович, увидев Юльку, расцвел улыбкой.

– Девочка! – воскликнул. – Неужели ты пришла к Великому Татарину?

Он с иронией величал себя так, когда бывал в хорошем настроении. Хотя и не так уж ошибался. В свое время он показывал на стрельбище феноменальные результаты. Кто-то из журналистов назвал его в статье Великим Татаринцом и напророчил ему звание чемпиона мира. Но перед чемпионатом, когда он уже был зачислен в сборную под первым номером, вдруг стал катастрофически слепнуть. И вынужден был отказаться от участия в первенстве.

– В гости или на тренировку? – спросил Рамиль Ахсанович.

– На тренировку, – ответила Юлька. – Вы же сами обещали сделать из меня большую чемпионку.

Он всплеснул руками:

– Обязательно сделаю, девочка! Если ты сама этого захочешь...

Полугодовой перерыв сказался. Юлька лепила восьмерки и девятки. Один выстрел даже загнала в семерку.

– Ничего, девочка, – подбодрил ее дед Рамиль. – Ручки тебя подводят. Перенервничала, да? Весной все девочки нервничают.

У Вали Пинегиной пробоины не выходили из центрального круга. Она собиралась уйти в биатлон, потому пуляла, чуть ли не без передыху, расходуя свои тридцать патронов...

Золотозубая мишень

1.

Выпускные экзамены ровно бы пролетели мимо Юльки. Золотая медаль, которую ей пророчили и родители, и учителя, оказалась в дальнем далеке сразу после сочинения. Надделала примитивных грамматических ошибок.

Ей на это было наплевать. От ее школьного провала страдала только маман. Но не буровила ее, как раньше, а только укоризненно вздыхала.

– Пойду в наш пед, – объяснила Юлька. – Мастеров спорта туда принимают вне конкурса.

– Но ты не мастер спорта!

– Буду им.

Пожалуй, она и в самом деле могла бы выполнить норму мастера, потому что тренировалась, как проклятая. Выходя на огневой рубеж, заставляла себя вспоминать свой сон: черные мишенные круги на холеной морде и «десятка» на золотых коронках в развале жирных губ.

Рамиль Ахсанович покачивал головой и говорил с опаской:

– Это слишком быстро и хорошо, девочка. Не перегори и не сорвись. Ты бьешь все свои рекорды. Тренировки – не соревнования. Может, тебе отдохнуть?

Отдыхать она не собиралась. Планировала остаться в городе с отцом, когда маман уедет в санаторий. Ее отпуск приходился на время вступительных экзаменов в пед, куда Юлька так и не подала документы. И не собиралась этого делать. Но до поры до времени скрывала свои планы, чтобы не травмировать родителей. Когда маман уедет, объяснить отцу будет проще. Скажет ему, что пойдет работать в тир мишенным механиком, да кем угодно! Промолчит лишь о том, что задумала.

А задумала она ни мало, ни много, как совершить террористический акт. И не с бухты барахты, а основательно подготовившись, изучив обстановку и маршруты передвижения, чтобы выбрать наиболее подходящий момент.

Ничего из этого она пока не успела. Обстановки и обстоятельств не изучила. Когда появится подходящий момент, понятия не имела. Юлька умела только стрелять. Но боевого оружия у нее не было. Где взять винтовку? Не мелкашку, а настоящую, снайперскую, с оптическим прицелом? Она слышала, что любое оружие можно купить на черном рынке. Но где этот самый черный оружейный рынок? И как раздобыть деньги на снайперку Драгунова, о которой она прочитала все, что было в библиотеке, и которую никогда не держала в руках?..

– Ты какая-то странная стала, Юлька, – сказала ей Валя Пинегина, когда они возвращались с очередной тренировки. – Тебя будто гложет что-то изнутри.

Вот тебе и простушка Валя! Догадалась каким-то чудом! Значит, надо вести себя по-другому: ходить на молодежные тусовки, валяться на пляже.

Валя о чем-то задумалась. Потом ни с того, ни с чего, вдруг спросила:

– Как тебе новый президент?

– Какой президент?

– Российский. Который из Питера.

– Никак. Он далеко и высоко. Зачем о нем думать?

– А у нас в доме только о нем и разговоры. Хвалят его. Бабе Оне всю задолженность по пенсиям выплатили, маме – по зарплате. Легче стало жить.

Юлька политикой интересовалась постольку-поскольку. По телику смотрела, в основном, спортивные передачи. И сетовала на то, что почти не показывают стрелковые соревно-

вания. Она, конечно, знала, что новый президент наводит в стране порядок и что ему противостоит оппозиция. Папа сказал как-то:

– Конец скоро олигархии! Побегали, как крысы с тонущего корабля...

Юлька не оставила без внимания Валино замечание. Теперь она не погружалась в себя и старалась выглядеть, как другие девчонки. Они ходили с Валею в Дом молодежи и отплясывали под самодеятельный ансамбль студентов, не чурающихся приработка к стипендии. После тренировок в тире шли купаться или заглядывали в кафе «Мороженое». Расплачивалась Юлька, папа снабжал ее небольшими суммами, полученными за консультации дипломных работ. Валя конфузилась есть халявное мороженое, но Юлька настаивала, и та сдавалась.

Дома она вела себя пай-девочкой. При маман брала учебник и делала вид, что готовится к вступительным экзаменам в вуз. Мать одобрительно взирала на такое дочерино усердие, но однажды забеспокоилась. Посоветовала ей не переутомляться. Юлька отложила учебник и устроилась рядом с родителями перед телевизором.

Новости бежали мимо нее, пока она не услышала название родного города. По экрану поползла центральная улица. Мелькнула мэрия, дом с турфирмой на первом этаже и с облюбованной ею скамейкой у подъезда для наблюдения и изучения ментовского распорядка. На здании УВД кадры прекратили свой бег.

Диктор вещал об очередном заказном убийстве. На этот раз жертвой оказался сам начальник управления генерал Лебедев, которого киллер подстерег, когда тот выгуливал собаку. Предварительная версия этого убийства – месть одной из криминальных группировок за проведенную недавно массированную облаву городских притонов. Обязанности начальника управления временно исполняет полковник Мирзоев.

Весь экран заполнила ненавистная Юлии холеная морда с усами. Она, морда, пообещала, что подлые убийцы будут найдены и предстанут перед судом.

В Юльке все закипело от негодования. Папа сказал:

– Мирзоев был назначен на должность Москвой вопреки мнению Лебедева. Так что эта смерть ему на руку...

Папины слова прочно осели в Юлькиной голове. Она объявила, что ей пора в институт, на консультацию для абитуриентов. Никакой консультации, естественно, не было. Они договорились встретиться с Валею Пинегиной и отправиться на пляж.

Юлька лежала на песке, подставив солнцу свой красивый втянутый живот. Рядом с ней загорала Валя. У самой воды пристроилась компания пьяных дебилов.

– Перейдем на другое место, – предложила Валя.

Юлька отрицательно качнула головой. С этого места хорошо был виден кишлак, откуда ей пришлось удирать глубокой ночью. Он стоял на взгорке, отделенный от общественного пляжа высокой непрозрачной оградой. Возможно, в нем никого, кроме охранника у ворот, сегодня не было.

– Может, скупнемся? – предложила Валя.

Они встали и пошли в воду. Далеко не решились заплывать, чтобы не терять из виду оставшиеся на берегу вещи. Но не успели отплыть и пяти метров, как один, самый жирный из кучковавшихся на берегу пьяных дебилов, прихватил Юлькин сарафан и серенькую Валину кофтенку. Повязал ее тюрбаном на голове, а сарафан поднял над головой, как флаг.

Они по-быстрому поплыли к берегу. Вылезли на песок. Юлька подбежала к жирному придурку:

– Дай сюда! – протянула руку за сарафаном.

– На! – выкрикнул тот и кинул сарафан ржавшим приятелям.

Валя успела в этот момент сорвать с его головы свою кофточку. А Юлька, как мячик, металась от одного к другому, пытаясь выволить свою нателную собственность. Один из дебилов, мокрогубый и с ушами-пельменями, судя по всему, старший в их компании, приподнялся и облапил ее сзади, стиснув грудь. Ей с трудом удалось вывернуться. И она, развернувшись, со всего маху залепила ему пощечину. Не успела Юлька сообразить, что к чему, как горячая волна опрокинула ее на песок. Почувствовала, что ее прицельный правый глаз закрывается от кулака Пельменя. И еще заметила, как Валя Пинегина прыгнула на его спину и вцепилась обеими руками в длинные сальные волосы. Он стряхнул ее.

Никто из пляжников не обращал на них никакого внимания. Юлька валялась на песке у ног главного придурка. Перед ее носом торчали его огромные ступни с грязными ногтями. Что было сил, она дернула за них, пытаясь свалить Пельменя. Он отшвырнул ее пинком. Сказал, почмокав губами:

– Грузите их в тачку!

Чем бы все это закончилось, она в тот момент не задумывалась. Но вдруг Пельмень рухнул на песок. И тут она увидела высокого русоволосого парня, который, вытянув под прямым углом ногу, заехал в пах одному из его приятелей. Затем, развернувшись, попал пяткой в скулу Жирному. Трое валялись на песке. Четвертый ползком пробирался к воде. Пельмень очухался и стал подниматься. Но снова опрокинулся навзничь. А светловолосый спаситель произнес:

– Вставайте, девчонки! Нечего разлеживаться!

Джентльменского набора в обращении с дамами ему явно не хватало. Так она подумала, несмотря на свое плачевное состояние. Валя поднялась первой. Кофточка у нее была расплосована до пупа. Юлька встала рядом с ней.

– Н-да, – произнес спаситель, глядя на Юлькин заплывший глаз. Кивнул на валявшихся дебилов: – Ваши приятели?

Подруги энергично замотали головами, отметая такое стыдное для них предположение.

Парень, не торопясь, ощупал разбросанную на песке одежду поверженных противников. Обнаружил два выкидных ножа, сто долларовую купюру и несколько рублевых полусоток. Ножи зашвырнул в реку. Деньги протянул Валентине:

– На новую кофточку и за моральный ущерб... А теперь дуйте домой.

Набравшись наглости, Юлька спросила:

– Разве вы нас не проводите?

Он поглядел на нее с любопытством.

– Хотите, чтобы проводил?

– Хочу, – ответила она лишь за себя.

– Не привык отказывать юным дамам, – не без иронии произнес он. Однако повел себя, как кавалер: – Меня зовут Георгий. А вас?

Они назвали себя. И потопали за ним в гору к остановке автобуса. Не дойдя до нее метров двести, он жестом велел им не двигаться. Поднял руку, останавливая появившийся из-за поворота жигуленок. Тот тормознул. Юлька не расслышала, что сказал их новый знакомый водителю. Затем распахнул заднюю дверцу и пригласил усаживаться. Можно было подумать, что машина его собственная! Уверенно плюхнулся рядом с водителем. Повернул к ним свою красивую голову:

– Кому куда?

Они назвали адреса, и он распорядился:

– Давай, шеф, по маршруту!

Они с Валею мягко и синхронно покачивались, когда машина объезжала дорожные рытвины. Супермен Георгий не обращал на них никакого внимания.

Валя нащупала Юлькину ладонь, вложила в нее бумажку, шепнула:

– Доллары – за моральный ущерб.

Юлька поняла, что это деньги, экспроприированные их спасителем у дебилов. Но поделила она их явно не поровну и не в свою пользу.

– Мне не надо, – также шепотом отозвалась Юлька и насильно втокнула ассигнацию в Валин кулачок. – Купи себе новые джинсы и кроссовки.

Минут пять они ехали молча. Потом Валя прошелестела ей в ухо:

– Спасибо!

Водитель сворачивал в какие-то безымянные переулки с палисадниками и цветниками, но на домах не было, ни названий улиц, ни номеров. В конце концов, машина неожиданно оказалась напротив Валиного барака.

– До свидания, – сказала Валя Георгию.

Тот вместо ответа молча склонил голову. Она выскочила из Жигулей и, придерживая рукой разорванную кофточку, побежала к бездверному подъезду.

– Полный – по второму адресу! – скомандовал Георгий.

Юлька ждала, что он обернется к ней, чтобы хотя бы обозначить свое присутствие. Но он застыл на своем сидении, как памятник. И так, пока жигули не остановились у ее дома.

Ей, если честно, не хотелось вылезать из машины, и она медлила.

– Приехали, красавица, – сказал Георгий. – Надеюсь, сумеешь оправдаться перед родителями?

Его тон Юлке не понравился. Подумаешь, Джеймс Бонд! Собрав все свое ехидство в кучу, она произнесла как можно небрежнее:

– Спасибо за своевременную помощь. Чао-какао, красавец!..

– Какао тебе сейчас в самый раз, деточка, – сказал и укатил.

Ее настроение стремительно покатило вниз. В таком состоянии она поднялась на лифте на свой седьмой этаж.

Как выглядел ее глаз, она поняла по выражению лица отца.

Ни слова не говоря, он усадил ее на диван. Принес из кухни старинную медную ступку, хранившуюся в семье с незапамятных времен. Промокнул синяк полотенцем и стал поглаживать по нему ступкой. В общем, врачевал дедовским способом. Потом спросил:

– Хочешь есть?

Она утвердительно кивнула и поплелась за ним на кухню.

Пока дочь насыщалась, он смотрел на нее горестно и влюблено. И лишь потом поинтересовался: что случилось? Она рассказала ему без утайки, не забыв упомянуть и о спасителе.

– Вам повезло, что такой человек оказался рядом. Все могло бы кончиться гораздо хуже... А сейчас – в постель, пока мама не пришла. Я сам все ей объясню.

Юлька отправилась в свою комнату и улеглась с надеждой заснуть. Но не спалось. И не солнце, все еще заглядывавшее в окно, было тому причиной. В глазах стоял светловолосый спаситель, неприступный и холодный, словно монумент. И снисходительный, как поручик Ржевский. Глядел на нее, будто на экспонат из школьного музея! А она уже не школьница и далеко не дурнушка. Развез, видишь ли, по домам и ни капельки не заинтересовался ими самими.

Когда пришла мама, Юлька уже почти спала. Почувствовала, как она зашла в комнату. Охнула, увидев лицо дочери. Раньше она бы обязательно разбудила и устроила допрос по полной форме. Теперь же тихо удалилась.

Лишь после этого Юлька безмятежно уснула.

Проснувшись она с ощущением, что вчера что-то недоделала. И сразу поняла, откуда это ощущение. Светловолосый супермен-спаситель растворился, даже не намекнув, на какой дорожке оставляет свои следы.

Она встала, прошлепала в ванную. Глянула в зеркало и ужаснулась. Синева из подглазья расползлась, чуть ли не на всю щеку, а глаз стал уже, чем у китайца. Придется сидеть безвылазно дома: ни на тренировки, ни в город прошвырнуться, не говоря уж о скамейке, присмотренной у подъезда турфирмы, расположенной напротив ментовской трехэтажки.

А впрочем, почему она должна исключать из своих планов эту скамейку? Синяк – надежная естественная маскировка на случай, если у кого-то из ментов шевельнется подозрение. Хулиганка с таким фонарем совсем не похожа на майскую пай-девочку... А чтобы избавиться от нездорового любопытства прохожих, можно надеть мамины курортные солнцезащитные окуляры.

Так она и решила поступить.

С гордо поднятой головой Юлька прошествовала на кухню. И лишь увидев там маман, вспомнила, что сегодня воскресенье – ее кухонный день.

Юлька жевала что-то, не ощущая вкуса. Косила здоровым глазом на включенный телевизор.

Москва передавала новости. Диктор сообщил, что в связи с гибелью генерала Лебедева из Москвы вылетела комиссия МВД.

– Мам, дай мне свои противосолнечные очки глаз прикрыть, – попросила Юлька. – Мне в институт надо.

– Конечно, конечно, – достала из своего портфеля темные окуляры и протянула дочери...

2.

Выходной день стражам порядка явно поломали. За оградой скопилось множество машин. Вход стерегли двое с автоматами, а не один, как было еще вчера. То и дело хлопали двери. Туда-сюда сновали люди в штатском и в милицейской форме. Автомобили выкатывались из ворот, срывались с места и исчезали.

Напялив очки, Юлька сидела напротив здания УВД и делала вид, что читает книгу. Наконец, увидела своего врага Мирзоева. Он вышел из подъезда с высоким мужиком в костюме стального цвета. Оба уселись в черный мерс и покинули милицейский двор в сопровождении джипа.

Она уже собралась сматываться со своего поста. Но едва поднялась со скамейки, как увидела, что джип и мерс катят с ее стороны в обратном направлении.

Она автоматически сняла великоватые материны окуляры. Снова села.

Лимузины тормознули метрах в семи от нее, напротив зеркальной двери ресторана «Эльбрус». Из джипа выскочили менты, встали коридором подле мерса. Вылезший первым Мирзоев распахнул заднюю дверцу, взял под локоток пассажира в костюме и повел к ресторанному крыльцу. Тут только она смогла разглядеть московского начальника. Он был выше и вальяжнее полковника. Упитанный, щекастый – весь из себя важный – прошествовал в окружении охраны к зеркальным дверям. Их угодливо распахнул носатый тип в ливрее.

Юлька продолжала сидеть и листать нечитанные страницы. Мысли же крутились вокруг тех, кого только что заглотила ресторанная дверь. Из головы не выходила реплика папы: смерть генерала Лебедева на руку Мирзоеву. А что, полковник вполне мог заказать убийство. Такая версия ей очень даже нравилась. Воткнуть бы ему за воротник подслушивающее устройство, может, и проговорился бы. Но она даже не видела никогда таких устройств...

Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не обратила внимания на остановившуюся у тротуара машину и появившегося перед ней человека. Пока не услышала его голос:

– Что подделывает здесь одноглазая красавица?

Юлька оторопела. И, как идиотка, глазела на материализовавшегося из воздуха супермена Георгия. Все, что могла вымолвить, застряло в горле.

– Намечается турпоездка в Анталию? – и она вспомнила, что сидит у входа в туристическую фирму.

– Нет, – автоматически ответила Юлька.

Встала, чтобы страшный глаз не так бросался Георгию в глаза. Торопливо водрузила на переносицу очки. И почувствовала себя еще неудобнее.

– Это вы, наверное, хотите обзавестись путевкой? – спросила она, чтобы только не молчать.

– Нет. Рядом гостиница, я в ней квартирую. Возвращался и заметил вас.

– Вы в командировке?

– Да.

– Надолго к нам?

– Как получится.

– Слышали о вчерашнем заказном убийстве? Что вы о нем думаете?

– Я о нем не думаю. Занимаюсь своим делом.

– А что у вас за дело?

– Любопытной Варваре нос оторвали, – засмеялся он.

Юлька слегка обиделась. И заявила, впрочем, без особой решимости:

– Мне пора домой.

Мысленно же уговаривала его, чтобы он предложил ее проводить. И он будто услышал. Спросил:

– Вас подвезти? Я взял напрокат авто.

Тут только она обратила внимание на припаркованную к тротуару «Мазду». И оглядела его самого. Он был в серых джинсах «лэвис», в адидасовских мокасинах с дырочками и в фирмовой рубашке с короткими рукавами, выглядывавшей из-под распахнутой легкой безрукавки.

– Подвезите, если не жаль времени, – скромно согласилась она.

В этот раз она сидела рядом с ним на пассажирском сидении. Руль он держал одной рукой и был любезен, как ухажер. Задавал малозначимые вопросы, на которые она охотно отвечала. Не преминула сообщить ему, что школу уже закончила – мол, стала взрослой и вполне самостоятельной. Даже про тир рассказала и похвасталась своим чемпионским титулом, не уточнив, правда, что среди юниоров.

Тиром он заинтересовался. Выспросил, в какие дни и часы проходят тренировки, и даже пообещал заглянуть, когда выкроит время. Однако номера телефона не попросил. Просто высадил у дома и помахал пальчиками.

3.

Дня через три, когда шумиха вокруг убийства милицейского генерала затихла, позвонила Валя Пинегина. Наверное, к соседям напросилась, чтобы позвонить.

– Я купила джинсы и кроссовки, – радостно сообщила она.

– Молоток!

– На тренировку сегодня придешь?

– Так ведь глаз...

– Он что, совсем ничего не видит? – испуганно спросила Валя.

– Видит. Но пугать деда Рамиля не хочу.

– Фигня, Юль! Он у нас с понятием. Приходи, а!

– Ладно, – согласилась Юлька, подумав, что Георгий с редкой фамилией вполне может заглянуть в этот день...

Рамиль Ахсанович с горестным выражением поглядел на ее синяк:

– Бывает, девочка. До свадьбы заживет.

Был он чем-то озабочен, то и дело поглядывал на часы. Даже нарушил график тренировки. После пристрелки отозвал их с Валею в сторонку. Всё с тем же озабоченным видом сказал:

– На вас, девочки, надеюсь. Через полчаса к нам явятся шефы из милиции. Тир-то их! Разрешение нам подписал генерал Лебедев. Убили Лебедева! Другой у них теперь начальник. Решил проверить, чем мы тут занимаемся. На огневой рубеж я, девочки, вас вызову. Товар лицом, так сказать.

В Юлькиной голове мигом пронеслась мысль, что надо бежать. Мирзоев вполне может ее признать, хотя она и назвалась в тот пакостный вечер Жанной. А фамилию вообще не упоминала.

– Я должна уйти, – заявила она в панике тренеру. – Обещала маме быть дома к обеду. – И соврала: – У нее день рождения!

– Как же так, девочка? – растерянно произнес он. – Наш подвал коммерсантам приглянулся. Вдруг новый начальник выгнать нас собирается? Неужели ты не выручишь деда Рамиля? Вы же у меня только двое.

– Юлька! – зашептала Валя. – Ты с ума сошла? Отберут тир, а Рамиля на улицу! У него же маленькие внуки!..

Альтернативы, как поступить, не было: или-или... И Юлька махнула рукой на собственное «я». Сказала, как отрезала курковый палец:

– Ладно. Остаюсь...

Мирзоев появился в тире в полковничьей форме и со свитой. Юлька сняла очки. Синева из-под глаза уже начала спадать, даже глаз открылся. Полковник оглядел неровный строй и произнес, обращаясь к Рамилю Ахсановичу:

– Погляжу, чему ты их научил, старый. Огневой – пятьдесят метров. 10 выстрелов – пять минут. Действуй, старый!

Рамиль Ахсанович назвал их с Валею фамилии. У Юльки был первый номер, у нее – второй. Изготовились для стрельбы, доложили.

Из глубины выплыли мишени.

Мирзоев стоял сбоку от Юльки с биноклем на шее. Она тут же вообразила его физиономию в прицельном круге и нажала курок. Зародившаяся в ней злоба помогла собраться. Она садила в мишень пулю за пулей, нисколько не сомневаясь, что они летят в рот с золотыми зубами.

Отстрелялись они за половину отпущенного им времени.

Холеная морда вразвалочку двинулся к мишеням. Следом засеменила свита. Сзади всех – Рамиль Ахсанович. Зато возвращался он первым и еще издали показал большой палец.

– Недаром свой хлеб ешь, старый, – сказал полковник тренеру.

Затем окинул их с Валею приценивающимся взглядом. Пошевелил усами. Протянул назад, не глядя, руку. Кто-то вложил ему в ладонь две коробочки.

– За успехи в стрелковом спорте, – громогласно и со значением объявил он, – награждаю вас ценным подарком – часами.

Протягивая коробочку, задержался взглядом на Юлькином лице. Отрывисто спросил:

– Как зовут?

Она чуть было не брякнула: «Жанна», но вовремя опомнилась.

– Юлия, – произнесла, придав голосу хрипоту.

– Дерешься? – кивнул на синяк.

– Даю сдачи, – прохрипела она.

– Правильно, – важно кивнул он и еще раз внимательно оглядел ее.

Сердце у нее захолонуло: узнал! Но на физиономии полковника ничего не отразилось.

– Молодец! – Потрепал Юльку по щеке. Повернулся к деду Рамилю: – Вот что, старый. Твою лавочку первого августа я прикрываю. Но-но, не шебутись, без работы не останешься. Будешь тренировать своих снайперш. В боевом тире.

– Но позвольте, – дёрнулся тренер, – стрелковая секция...

– Не лезь в пузырь, старый, – оборвал его полковник. Развернулся и, ни с кем не попрощавшись, двинулся на выход.

Когда железная дверь за ним захлопнулась, Рамиль Ахсанович опустился на лавку у стены.

– Вот и всё, девочки.

Все сгрудились вокруг него и попытались утешить.

– Не переживайте так, – сказала Юлька. – До первого августа еще полтора месяца. Жалобу напишем. Коллективную.

– Кому, Юля?

– Губернатору. Или кому повыше.

– Ты много не понимаешь, девочка. Лебедева нет, и жаловаться бесполезно...

Он замолчал. Встал со скамейки. Обвел взглядом свою юную команду:

– До августа тренировки по расписанию. А вы, Юля и Валя, превзошли сегодня самих себя... Можешь, Юлия, бежать на мамин день рождения.

А она и забыла про свое вранье. Признаваться в обмане желания не было. Ничего не оставалось, как топать наверх.

Но день оказался богатым на сюрпризы. На выходе Юлька столкнулась... с суперменом Георгием. И превратилась в соляной столб.

– А я вас разыскиваю, – весело сказал он. – Ну, показывайте свой тир.

Как загипнотизированная, Юлька повернула обратно.

– Ты чего вернулась? – спросила Валя.

Увидев и признав пляжного спасителя, она бросила быстрый взгляд на новые кроссовки и запунцовела.

Дед Рамиль тоже обеспокоился:

– Что-нибудь случилось, девочка?

– Вот, – показала она на Георгия, – товарищ хочет поглядеть на наш тир.

– Арендаторы? – голос тренера одревенел. – Приходите через полтора месяца.

– Я частное лицо. Георгий Кацерик. Хочу арендовать у вас на десять минут мишень и «Марголина» с патронами. На взаимовыгодных условиях.

Тренер грустно улыбнулся.

– Извиняй, пожалуйста. Тут качки ходят, им подвал под склад нужен. Трясут какими-то бумажками. Только что начальник УВД тут был. Приказал до августа освободить помещение. А пострелять – пожалуйста. Касса рядом с раздевалкой.

– Зачем касса?..

Валя дернула Юльку за руку, и они отошли.

– Дед постесняется при нас взять деньги, – бормотнула в ухо.

Они двинулись в оружейную комнату. Вернулись минуты через три.

– Посоревнуемся, чемпионки? – подошел к Юльке Георгий.

Из «Марголина» они с Валею, конечно, стреляли. Но результатами похвастаться не могли. Да и настроения соревноваться не было. Потому обе отрицательно покачали головами.

Казалось, что Георгий даже не целился. Стрелял без пауз. Когда все подошли к мишени, Юлька дико удивилась. Отдельные пробоины в мишени не просматривались, в центре круга была одна сплошная дыра. Рамиль Ахсанович начал было выделять круги вокруг Георгия. Наверное, с намерением залучить его в городскую команду и самому стать вторым ее тренером. Но, видимо, вспомнил, что скоро придется распрощаться с тиром, сник и сокрушенно взмахнул рукой. Георгий понял его и сказал:

– Я в командировке.

Тренер вяло полюбопытствовал:

– Из Москвы?

– Так точно, – ответил тот.

Он снова предложил им с Валею развезти их по домам. Юлька, не спрашивая разрешения, по-хозяйски уселась рядом с ним. Валею посадили сзади. Возле их барака распрощались с ней. Домой Юльке совсем не хотелось, хотя мама завтрашним вечером отправлялась в свой любимый санаторий.

В этот раз судьба к ней была благосклонна. Георгий медленно поехал в противоположную от ее дома сторону. Стрелка спидометра подрагивала возле цифры «50». Машина куда-то то и дело сворачивала. Юльке даже показалось, что Георгий хочет увезти ее за город. В общем-то, она бы и не возражала.

– Мы за город? – спросила она.

– Нет. Сдается, что нас кто-то пасет.

Юлька оглянулась и никаких преследователей не обнаружила.

– Серая «Волга», – подсказал Георгий и неторопливо развернулся.

Откуда-то действительно вынырнула серая «Волга». Присутствие Георгия не позволяло ей паниковать: он сумеет защитить. Юлька снова оглянулась.

– Не дергайся, – приказал он. – Теперь держись. Будем обрезать хвост.

То, что он стал вытворять с арендованной «Маздой», лучше никому не рассказывать. Они неслись, как по серпантину. Юльку то прижимало к дверце, то она чуть ли не валилась к нему на колени. Он же не обращал на нее никакого внимания. И лишь выскочив из какого-то проходного двора, сбавил скорость.

– Напугалась? – спросил.

– Нет.

Она и в самом деле не испытывала никакого страха от бешеной езды.

– Придется заскочить ко мне в гостиницу, Юля. Только не возражай!

Она и не думала возражать. Он зарулил за угол и нырнул под арку. «Мазду» оставил у гаражей-ракушек.

Они шли какими-то переходами, заставленными коробками. Попали в жарочный цех, где стоял одуряющий чад, и что-то гудело. Пройдя еще два коридора и поднявшись по черным ступенькам, оказались в ресторанном зале. Глянуть со стороны: влюбленная парочка. Таким макаром они прошествовали в гостиничный вестибюль. Поднялись на лифте на четвертый этаж. Прошли по коридору, устланному бордовой дорожкой, и остановились у двери с цифрой «411». Георгий достал из бокового кармана своей спортивной безрукавки ключи и отпер дверь.

Его номер не походил на хоромы, как она ожидала. Полуторная кровать, тумбочка с телефоном, стол, стул, кресло и холодильник «Саратов». Два больших окна выходили на центральную улицу.

Юлька глянула в одно из них. Перед ней, как на ладони, оказалось здание УВД. Георгий подошел к ней, встал за спиной. Она подумала, что сейчас он обнимет ее. И глубоко ошиблась. Он показал на кресло: устраивайся, мол.

- Теперь, Юля, – строго произнес он, – рассказывай все по порядку.
- О чем рассказывать? – сделала она удивленное лицо.
- Чем насолила милиции? Что хочешь у них высмотреть?
- Не понимаю.
- Понимаешь.

Она молчала. И всем видом изображала недоумение. Он покачал головой и вдруг потрогал ладонью ее бантики, которые она намеревалась выбросить завтра.

– Тоже мне – сыщик! – проговорил он. – Давай, Юленька, как на духу: обладателем какой информации ты стала?

И она не выдержала:

- Они затаскивают девчонок в один дом и насилуют их.
- В какой дом?
- В парке, на берегу. Возле спасательной станции.
- Кто конкретно насилует?
- Полковник Мирзоев. Морда у него нерусская. Вместо убитого Лебедева сейчас, – и добавила со злостью: – Он и заказал генерала.
- Почему ты так решила?
- Папа сказал, что генерал был против назначения Мирзоева и вроде бы собирался его выгнать.

– Догадливый у тебя папа. Лебедева я хорошо знал. Его некоторые пытались купить в Чечне и сильно пожалели об этом. Каким образом ты узнала об изнасилованных девчонках?

- Видела случайно, когда забрела поздним вечером на пляж.
- С кем забрела?
- Ты что – следователь, чтобы выпрашивать меня?
- Не дури! Хочу уберечь тебя от глупых поступков. С кем ты была на пляже?
- С одноклассником. Он убежал. А я в кустах спряталась.
- Он видел то же, что и ты?
- Видел. Но не скажет, потому что трус... Три амбала схватили девчонку. Она отбивалась, но они все равно занесли ее в дом.
- Девчонку ту знаешь?
- Да. Но её уже нет в городе. Переехали. Куда – не знаю.
- Ты засветилась перед полковником?
- Понятия не имею.

Георгий глянул на нее с недоверием и даже с сожалением.

- Что-то все же ты не договариваешь, Юля. Кстати, сколько тебе лет?
 - Восемнадцать, – ответила она, хотя до восемнадцати оставалось целых три месяца.
- И не удержалась от встречного вопроса: – А тебе?

– Я на двенадцать лет старше тебя. И хорошо знаю, что это не игра в казаки-разбойники. Потому прижми уши и забейся в норку. Поняла?

- А как же совесть, Георгий?
- Есть игры, в которых дилетанты исчезают бесследно.
- Я, по-твоему, дилетант?

– Кто же еще станет торчать напротив милицейских ворот и пытаться рассмотреть что-то сквозь стены?.. Все, Юля. Домой езжай на автобусе. Лучше всего, куда-нибудь уезжай на лето. «Мазду» наверняка уже вычислили по госномеру. Значит, и на меня выйдут. Встречаться нам больше нельзя.

Юлька была ошарашена: как это – «нельзя»? Еще и не начинали встречаться!

- Совсем нельзя? – неуверенно спросила она.

– Не совсем, а пока, – серьезно ответил он.

Несколько секунд она набиралась храбрости. Затем, встав на цыпочки, чмокнула его куда-то возле носа и выбежала из гостиничного номера.

4.

Весь следующий день прошел в суете: Юлька с папой собирали и провожали мать в санаторий. А когда проводили, отец пошел на рынок. Дочь стала прокручивать в голове все, что произошло за суматошный вчерашний день.

Сначала встреча с Холеной мордой. Часы вручил, значит, не признал ее. Выходит, следили за Георгием. Он вполне может знать что-то о причастности полковника к убийству генерала Лебедева. Потому они и преследуют его.

Георгий прав: разглядеть что-либо за каменными стенами кишлака невозможно. И абсолютно никакого значения не имеет, когда и на чем уезжает и приезжает по своим темным делам полковник. Главное – сами темные дела. А их он творит в кишлаке. На нем и следует сосредоточить внимание.

Юлька представила, как пуля дробит золотые зубы, и задохнулась от мстительного удовольствия. Увы, это была лишь игра воображения. Чтобы ее воплотить в жизнь, надо перво-наперво раздобыть снайперскую винтовку. Но где и каким образом ее раздобыть? Обратиться к деду Рамилю? В оружейной комнате стоят две драгунки с оптическим прицелом. Но Рамиль Ахсанович никогда не согласится участвовать в такой афере.

Она лежала в своей комнате, глядела в потолок, пока не пришел папа и не вытащил дочь ужинать. Ели бутерброды с колбасой. Он запивал их «Клинским», а она – пепси-колой, которую мама считала самым вредным напитком.

– Между прочим, – произнесла Юлька в пространство, – поступать в этом году в институт не имеет смысла.

Отец недоуменно уставился на нее и отставил бутылку с пивом.

– Не понимаю. Повтори.

– Я не хочу поступать в этом году в институт.

– Что случилось? Ты ведь уже подала документы?

– И не собиралась.

– Как же так, доча? Что же ты намерена делать?

Рассказать о своих мстительных намерениях она никак не могла.

– Я еще не определилась со своим призванием. Год поработаю. Разберусь в себе. Как следует, подготовлюсь и на следующее лето – в вуз.

– Где же ты собираешься работать? В городе полно безработных.

– Папа! – с укоризной произнесла Юлька и хотела объяснить, что рабочих мест не хватает только для профессоров и им подобных. Но вовремя прикусила язык и сказала: – В городе не хватает почтальонов, дворников, воспитательниц и нянечек в детские сады. Даже к нам в тир понадобится с сентября гардеробщица.

– Но ведь это не профессия.

– С профессией я определюсь.

Папа покачал головой и тяжело вздохнул.

– Ты уже взрослая, доча. Сама вправе делать выбор.

Как она поняла, вопрос с институтом решился без трагедии...

Понезиться утром в постели ей не пришлось. Папа с растерянным видом заглянул в ее комнату и сказал:

– К тебе пришли.

– Кто?

– Одевайся скорее, – только и произнес он.

Она, конечно, слегка намакияжилась. В зале ее ждал пожилой дядька, сухой, как постаревшая яблоня, и уверенный в себе, слово переросток в классе. Голос у него был тихий и ласковый, будто у лисы, повстречавшей колобка.

– Папаша, – сказал Лис, – оставьте нас на несколько минут.

Бросив на дочь встревоженный взгляд, отец вышел на кухню.

– Скажите, – обратился Лис к Юльке, – с кем вы вчера уехали после стрелковых соревнований?

Ей потребовалось время, чтобы сообразить, что к чему.

– Я не знаю, по какому праву и на каком основании вы меня допрашиваете, – произнесла она как можно официальнее. – Может быть, представитесь?

– Следователь прокуратуры... – и пробормотал фамилию, которую Юлька не разобрала.

– Хотелось бы посмотреть на ваши документы.

– Не слишком ли ты умничаешь, девочка?

Девочкой ее называл дед Рамиль. Но у тренера это звучало по-другому, как-то по-доброму. А тут – с издевкой. С невинным видом она отпарировала:

– Во-первых, прошу на «вы». Во-вторых, поступаю на факультет журналистики и умничаю потому, что очень любопытно испытать на себе, как нарушаются права человека.

Похоже, морщинистый следователь слегка опешил. Достал красную книжицу и pokrutil перед ее носом. Она вежливо сказала:

– Извините, не могу разобрать вашу фамилию.

Он притормозил книжицу, и она прочитала: «Какашин Арнольд Ермилович, следователь межрайонной прокуратуры».

– Теперь можете задавать вопросы, господин Какашин, – произнесла Юлька, сделав ударение на его фамилии.

Свой вопрос он повторил слово в слово:

– С кем вы вчера уехали после стрелковых соревнований?

– У нас не было вчера соревнований, – ответила она. – Была проверочная комиссия из управления милиции.

– Хорошо. На чьей машине вы вчера уехали от дома молодежи и куда?

– Был там один. Стрелял из «Марголина». Предложил подвезти меня и Валю Пинегину домой. Очень обходительный молодой человек.

– Его фамилия?

– Он не представился.

– Обдумывайте свои ответы, прежде чем открывать рот, – ласковостью в его голосе уже не пахло.

– Я говорю то, что знаю.

– Что он делал в тире?

– Я уже сказала: стрелял из спортивного пистолета Марголина.

– Где он его взял? Кто дал разрешение пользоваться тиром?

– Не знаю, где взял. А насчет разрешения – плати деньги в кассу и стреляй.

– Куда вы поехали из Дворца молодежи?

Она уже сообразила, что голое вранье не пройдет.

– Сначала завезли домой Валю. Он попросил меня показать самое красивое место в окрестностях города. Мы доехали до Курочкиной горы. Побыли там минут десять. Потом он отвез меня домой.

– И вы даже не познакомились?

– Почему? Познакомились.

- По вашим словам, он не представился.
- Вы интересовались его фамилией. А он назвал только имя: Георгий.
- Чем он занимается?
- Понятия не имею. Судя по машине, коммерсант.
- Куда он поехал от вашего дома?
- Увы, не доложился. А я не догадалась спросить его об этом...

Лис Какашин явно не ожидал такого разговора. Думал, наверное, что девчонка будет лепетать от испуга. А перед ним оказалась взрослая дама с чувством собственного достоинства. Именно такой Юлька видела себя со стороны.

– Извините, – произнесла она, – папа очень обеспокоен. Еще решит, что дочь кого-нибудь обокрала. Вы не возражаете, если я его позову?

– Не возражаю, – проскрипел он.

Юлька окликнула отца. Он появился сразу, будто стоял за дверью. В руках у него почему-то оказалась медная ступка, которую он прикладывал к ее синяку.

– Что, доча? – спросил встревожено.

– Все нормально, папа. Господин Какашин, – она снова произнесла его фамилию с нажимом, – просит моей помощи в проведении дознания.

Родитель был в явной растерянности. Перекладывал ступку из руки в руку. На следователя взглядывал с подозрением. Юлька подумала, что папа запросто мог шарахнуть господина следователя ступкой.

Тот достал из нагрудного кармана визитку, протянул Юльке:

– Мой телефон. Если встретите стрелка Георгия, дайте знать.

– Он что-нибудь натворил? – спросила Юлька с беспечным видом.

– Правоохранительные органы напрасно не интересуются, – многозначительно произнес он.

Закрыв за ним дверь, папа напустил на себя строгость и потребовал:

– Объясни, Юля, что происходит! Кто этот сморчок?

Ну, и папа! Более ёмкой характеристики следователя Какашина трудно придумать!

– Абсолютно ничего не происходит, – ответила она. – Позавчера после тренировки нас с Валеи подвез на своей машине один спортсмен. Сначала ее, затем меня. А после этого исчез.

– Это он отбил вас у хулиганов на пляже?

– Он.

– Не знаю, что он натворил, но человек, судя по поступкам, положительный. А правоохрана погрязла в мерзости. Если встретишь случайно вашего спасителя, не вздумай звонить этому сморчку.

Юлька подошла к отцу, уткнулась головой в грудь. Он зарылся носом в ее растрепанную после сна каштановую копну. Сказал, как в детстве:

– Юленькой пахнет...

Визит господина Какашина дал новый поворот мыслям. Если его ищут, значит, из гостиницы он исчез. Юлька вспомнила, что он говорил, чтобы она куда-нибудь уехала. А зачем уезжать? Особенно теперь? Она – не причем, она – святая. Им надо его найти – пусть ищут. А увидеть Георгия ей захотелось так, что даже зачесалась. Хорошо бы с ним объединиться. Вот только захочет ли он объединяться?..

Боже! О чем она думает?.. Он ведь сказал, что им нельзя видаться. Пока нельзя. Выходит, через какое-то время можно?.. Значит, он найдет ее?..

Она одернула себя, прогоняя фантазии. И сказала себе словами мамы: «Юлия! Веди себя рационально!».

Засада

1.

Рационально она стала вести себя ровно через сутки. Под наблюдательный пункт пляж не годился, потому она отправилась по пешеходному мосту на ту сторону реки.

Когда-то они с папой частенько бродили тут по заросшим березами и соснами холмам. На опушках было полно земляники. Но ей больше по душе были грибы. И она тянула отца дальше, к небольшим моховым полянам в окружении берез. Там прятались в зелени коричневые шляпки обабков.

Обнаружив гриб, папа отворачивался от него, поводил своим курносым носом и изрекал:

– Обабком пахнет.

И она начинала рыскать вокруг него, пока грибок не оказывался в лукошке. Папа сокрушенно взмахивал руками и восклицал:

– Как же я не заметил такого красавца! Опять доча обогнала меня!..

Боже мой! Как же она любила эти прогулки, грибные холмы и моховые поляны! Любила всё Заречье! В те не столь уж давние времена здесь был пансионат машиностроителей, и с его территории всегда доносилась музыка. Она смолкла под лозунги демократизации общества. Завод разворовали, пансионат задохнулся от безденежья. В Заречье стали расти, как мухоморы после теплого дождя, кирпичные фазенды новых русских. А обабки и земляника с тех пор перевелись...

Со склона, поросшего можжевельником, ей хорошо были видны и пляж, и лодочная станция, а самое главное – кишлак. Если провести прямую линию через речку, то до него было не больше ста пятидесяти метров. Ближе к берегу, сразу за можжевельниковыми кустами росли три корявых вяза. Юлька прошла к ним. И чуть не свалилась в яму. Она была глубиной чуть больше метра. И завалена сверху хворостом.

А место у вязов было идеальным для наблюдения. Одно плохо: голо кругом. Даже вётлы не растут на закованном в бетон берегу. И тут ее осенило: яма! И наблюдать можно и стрелять. Во время войны бойцы стреляли из окопов, такие кадры в каждом военном кинофильме показывают. Чем эта яма не окоп?

Она разгребла хворост, прыгнула вниз. Очень удобная яма. Можно даже присесть на неизвестно как попавший сюда брикет силоса. А куча хвороста сверху – неплохая маскировка для винтовочного ствола.

Уйти можно через холм. На той стороне – старое асфальтовое шоссе. На нем запросто поймать попутку или уехать на автобусе в город – в родительскую квартиру. Можно и пешком к тетке по матери – в деревню Шакшу. Пожалуй, это то, что надо. В деревню, в глушь – к тете Любе! Иначе как объяснять доброму папе ее ночные отлучки? А так – легко схимичить: сказать тетке, что буду ночевать в городе, а сама – сюда. Утром – снова к ней....

При отходе, конечно, могут возникнуть сложности с транспортом. Вот бы где пригодился Георгий со своей «Маздой»! Но, увы! Ни его самого нет, ни «Мазды».

2.

Юлька поклялась деду Рамилю, что в октябре будет участвовать в областных соревнованиях. И попросила у него на две недели бинокль, чтобы понаблюдать за жизнью лесных птиц. Он сказал:

– Птички – посланцы Всевышнего. Пойдем, девочка, дам тебе морской цейс.

Она опробовала бинокль, дала глянуть в него Вале Пинегиной. Обе восхитились, как туземцы, увидевшие блестящую побрякушку. Юлька затолкала бинокль в спортивную

сумку, и они отправились в кафе «Мороженое», чтобы проесть отцовы двести рублей. Папа подбрасывал ей мелочевку, не выпрашивая, на что она собирается тратить.

Сидели за пластмассовым столиком. Ковырялись пластмассовыми ложечками в пластмассовых стаканчиках с мороженым. И никуда не торопились. Валя спросила:

– Юлька, что ты вся из себя взведенная? Влюбилась, да?

Видно, Бог наградил ее шестым чувством. Юлька считала, что ведет себя обычнее обычного. А ведь что-то заметила, монголочка!

Неопределенно кивнув, она пооткровенничала:

– Ты почти угадала, Валюня.

– Кто он? – ее узенькие глазки чуть ли не округлились от любопытства.

Юлька хитро улыбнулась, наклонилась к ней и заговорщицки шепнула:

– Хочу купить атомную бомбу. Не знаешь, где продают?

– Фу тебя! Новую джинсу, наверное, хочешь купить?

– Ага.

– Дешевле всего на Воровском рынке. Из Китая гонят или ворованное продают. На одну будку кто-то даже приколотил фанерку с надписью: «Скупка и продажа краденых вещей». Каково, а? Азер, хозяин будки, чуть не взбесился.

– На самом деле краденое продают?

– Наверно. Я всегда отовариваюсь на Воровском. Там все можно купить, были бы деньги. Даже, как ты сказала, атомную бомбу.

Они еще поговорили о всякой ерунде и разошлись. В Юлькиной голове прочно засел Воровской рынок, хотя она и понимала, что без денег там делать нечего. Вот если бы ее день рождения был не в октябре, а в июле, она бы выпросила деньги на дубленку, которую мама обещала в этом году. А потом сказала бы, что деньги украли. Но до дня рождения далеко, да и мама появится нескоро.

Папа встретил дочь приглашением питаться. Юлька сидела за кухонным столом и жевала, словно ее кто принуждал к этому. Папа огорченно спросил:

– Ты чего смурная, доча?

– Все нормально, пап.

– Юленька, я же вижу!

– Ты все равно не сможешь решить. Это мамино обещание.

– Что она тебе наобещала?

– Хорошо, объясню. Мама обещала подарить дубленку. Сейчас идет распродажа. Шикарная дубленка стоит восемь девятьсот. Осенью она будет стоить десять или больше.

– Стоит ли из-за такой чепухи расстраиваться, доча? Твоя мама никогда не забывает обещаний. Десять тысяч на твою дубленку лежат в шифоньере. Бери и покупай.

Для нее это были не деньги, а деньжищи. Они настолько подняли настроение, что она под музыку из телевизора стала, как в детстве, выделять перед отцом танцевальные «па». Он сидел в скрипучем кухонном кресле, слегка покачивался и щурил от удовольствия глаза.

– Папа! – вывела она его из блаженного состояния. – Я хочу дней десять пожить в деревне у тети Любы. Ты не будешь обижаться?

– Конечно, нет, доча. Поживи на свежем воздухе, Попей парное молоко.

Ей показалось, что он расстроился. Юлька поспешила его успокоить:

– Тут же близко. Стану навещаться, чтобы проверить, варишь ты для себя или питаешься всухомятку. Так что кушай нормально.

Он шмыгнул носом. Она вдруг пронзительно поняла, что такие, как ее папа, так и не смогут вписаться в рыночную действительность. Эти люди слишком для нее хороши. Даже мама считала, что папа – талантливый теоретик, ему науку вперед двигать, а не прикладной физикой заниматься с учетом рыночной конъюнктуры.

Папочка! Знал бы ты, что задумал твой любимый непутевый ребенок! Вот и хорошо, что не знаешь.

3.

С утра Юлька была с дубленочными деньгами на Воровском рынке. Долго бродила по рядам, приглядываясь к продавцам. Наконец, как ей показалось, обнаружила того, кого надо. У магазинчика с вывеской «Колониальные продукты» сидел на табуретке толстопузый, узкоглазый и весь потный мужик.

Он провожал равнодушным взглядом редких покупателей, заходивших в магазинчик, ковырялся толстым пальцем в потном ноздрястом носу. Но, как она поняла, не бездельничал.

Время от времени к нему подходили подозрительные личности и что-то нашептывали в волосатое ухо. Он неторопливо отрывал зад от табуретки, и оба исчезали в магазинчике. Но не через лицевой вход, а через черный, замусоренный коробками. Выползали они порознь: сперва клиент, минуту спустя – толстопузый. Первый исчезал в рыночном водовороте. Второй снова усаживался на табурет.

А рынок гудел, хрипел, орал и плевался. Людской поток устремлялся то в одну сторону, то в другую. Вывеска «Колониальные товары» над магазинчиком мало кого останавливала. Что там было колониального – непонятно. В витрине торчали бутылки с пепси и пивом, жвачки, куриные и пороссячи кубики. То же, что и везде.

Юлька решила. Продефилировала несколько раз мимо табуретного сидельца, бросая на него красноречивые взгляды. Он не оставил их без внимания. Поманил ее пальцем. Она подошла вихлястой походкой. Он спросил:

– Сколка?

Юлька не поняла.

– Сколка за адын час?

Только тут она сообразила, что он принимает ее за проститутку. Хотела было сбежать, но остановила себя. Она еще в детстве любила воображать себя персонажами любимых сказок. И так входила в образ, что папа даже пугался. В школе она считалась примой драмкружка. Лучше всего ей удавались роли бабы Яги и Снежной королевы. В общем, перевоплощаться она умела...

Она прищурила глаза, изображая блатнячку, щелкнула пальцами и, наклонившись к волосатому уху, выдохнула:

– Мне нужна снайперская винтовка. Плачу наличными.

Несколько секунд толстопузый глядел на нее с идиотским выражением. Она ждала. Наконец, тот открыл рот:

– Ты с ума сошел, девка? Ходи отсюда, а то милиция звать буду!

Юлька поняла, что ошиблась адресом. Вероятно, перед ней был мелкий наркоторговец. Но милицию вполне мог позвать. Вон их сколько – шастают по рынку, ничего не замечают, кроме как «на лапу». Но она не хотела терять лицо и выходить из придуманного по наитию образа. Произнесла, скривив губы:

– Тебе больше меня надо бояться, пузан! За базар насчет ментов ответишь, зуб даю! Тебя Мирза в асфальт закатает.

Откуда забрела в ее голову эта жаргонная фраза, она понятия не имела. Наверное, из телепередач, в них теперь только и «ботают по фене». Во всяком случае, фраза возымела действие. Юлька увидела, как изменилось лицо любителя проституток. Оно стало растерянно-обиженным. Он выговорил:

– Каждый свой крыша имеет. Я – маленький. Пусть твой Мирза говорит с Джабраилом.

Наверное, Юлька назвала несуществующего Мирзу, имея в виду подспудно Мирзоева. Впрочем, и он, и неизвестный ей Джабраил были одного поля ягоды.

Больше всего Юльку угнетало, что с винтовкой получился облом. Деньги она вернула папе, объяснив, что понравившуюся ей дубленку уже продали. И уехала в деревню Шакшу.

Тетя Люба обрадовалась ее появлению, но вид сохранила строгий.

– Мать-то опять упоролась на море?

– Ага.

– И чего ей дома не сидится! Отдыхай у меня – лес, пруд, а я одна.

– Я это, тетя Люб, ночевать к папе буду ездить. Один он.

– Во-во! Соску твоему жрецу, как дитю, надо!

У тети Любы был редкий дар вкладывать в знакомое слово совсем иной смысл, угадываемый лишь по ассоциации. Юлька уже приновилась к ее шарадам, даже любопытно было докапываться до истоков словообразования. «Жрец» в ее толковании восходил к глаголу «жрать». Твой отец, мол, бездельник, не работает, а ест, как все трудовые люди... Юлька собралась возмутиться, но тетка опередила ее.

– Ну, да ты девица уважительная, в нашу породу, романовскую. Мы, Романовы, всегда все сами, никого не объедали, ни у кого ничего не просили и не просим. Даже цари носили нашу фамилию!

Это был ее конек: мы – Романовы! Да и маман осталась Романовой. Наверняка, по научению старшей сестры. А они с папой Башкировы.

Дослушав теткин монолог, Юлька напилась топленого молока с шанежками. Потом таскала в бочки воду из колодца. Помогала тете Любе забрасывать на сеновал сено. Собирала с кустов просившуюся в рот малину. Ближе к вечеру поливала вместе с теткой бесчисленные грядки...

Если бы не нужда, она ни в жисть бы не приехала к ней на эту огородную каторгу. Но приходилось терпеть.

Когда совсем закатилось, Юлька прихватила сумку с биноклем и стала прощаться с тетей Любой.

– Не вздумай пѣхом! – повелела та. – Недолго и на кустаря нарваться! Ладно, если только обделаешься легким испугом! Поняла?

– Поняла, – покорно ответила Юлька, сообразив, что тетка имела в виду насильника, который кидается на одиноких женщин из кустов. – Поеду на автобусе.

Автобус в ее планах не значился. Она потопала напрямую через холм. Да и ходьбы было час с тютелькой, в самый раз, чтобы к сумеркам добраться до вязов.

Солнце клонилось к закату, когда она заняла свой пост. В яму ей лезть не хотелось. Пристроилась между двумя вязовыми стволами, так что вряд ли кто мог заметить ее со стороны. Настроила окуляры бинокля. И навела его на ментовский вертеп. Однако ничего интересного не обнаружила.

Прошел час и два. Дом возле лодочной станции, словно вымер. Она умаялась и отупела, но упрямо продолжала наблюдать. Уже в поздних сумерках, наконец, увидела, как открылась дверь, и на крыльце появился бородач. Она признала его. Это он в тот поздний вечер пнул под зад трусливого кавалера Толика. Не спускаясь по ступенькам, мирзоевский лакей помочился. Пошарил рукой сбоку двери. Вспыхнули два фонаря – прожектора на столбах, осветив огороженный двор.

Юлька не знала, что ей делать. Остаться у вязов не хотелось. Тетка уже наверняка спала. Топать к папе – значит, напугать его. Она прыгнула в «окоп», уселась на брикет, привалилась спиной к земляной стенке и стала ждать рассвета.

Прошло четверо суток. Юлька успела привыкнуть к своему окопу, но не обжить его. Ночи в нем стали для нее кошмаром. Спала урывками, сидя на жестком брикете. Затекали согнутые ноги и поднывала спина. Еще не очухавшись от сидячего сна, она с воодушевлением думала, что днем отоспится на теткиной перине. А продрав глаза, с испугом хваталась за бинокль: не прокараулила ли что. Но в кишлаке по-прежнему было безжизненно. В свете прожекторов здание казалось тайным приютом злых духов. Так было, пока не подошла ночь с воскресенья на понедельник.

Около двенадцати из кишлака вывалились трое камуфляжных охранников. Постояли у крыльца, переговариваясь. Затем бородач, с автоматом на пузе, прошел к воротам, отомкнул их. Двое других встали по бокам крыльца, расставив ноги и сунув правую руку в карман. Юлька поняла, что ждут важных визитеров, иначе чего бы им хвататься за оружие?..

Наверное, около часа прошло, пока появились три автомобиля с включенными подфарниками. Бородач сноровисто распахнул ворота, и те, не задерживаясь, проскочили к крыльцу и замерли: впереди – знакомый Юльке мирзоевский «шестисотый», сзади – два черных джипа. Из них появились пятеро, и, похоже, все кавказцы. Двое подошли к мерсу: один – в строгом светлом костюме, при галстукке, другой – в сером полуспортивном одеянии и с дипломатом в руках. Тот, что с дипломатом, сказал что-то оставшимся спутникам. Двое тут же пристроились к охранникам у крыльца. Третий составил кампанию стражу у ворот.

Из «мерса» первым вылез Мирзоев. Юлька едва признала его в гражданской одежде. Открыл заднюю дверцу. Из нее показался – Боже правый! – тот самый упитанный и пухлогубый москвич, что приезжал разбираться после убийства генерала Лебедева.

Мирзоев поднялся по ступеням и распахнул дверь. В дом прошли москвич и кавказец с кейсом. Мирзоев шагнул за ними.

Сон начисто покинул Юльку.

В голове закрутились мысли одна фантастичнее другой. Кавказцы увязались в ее голове с чернобородыми террористами, хотя ни у одного из прибывших бороды не было. «Побрились для маскировки», – уверенно решила она, не отрываясь от окуляров и опасаясь что-то пропустить.

Но в поле зрения были лишь шесть молчаливых охранников. Минут через сорок один из них поднес к уху мобилу и что-то коротко произнес. Все шестеро посторожели.

Сначала с крыльца спустился Юлькин золотозубый обидчик. За ним – остальные. Причем главный кавказец был теперь без дипломата. Пожал упитанному москвичу руку. Затем чужаки погрузились в джипы и укатили. Холеная морда взял московского начальника за локоток, и оба вернулись в дом.

Почти тотчас со двора выкатил мирзоевский «шестисотый». Трое охранников по-прежнему торчали во дворе. Примерно через час ментовская иномарка вернулась. Бородач, осклаившись, впустил ее. Из салона выпорхнули две девицы. Дверь кишлака распахнулась, и Холеная морда впустил девиц внутрь.

Ничего стоящего она больше не увидела.

Перед самыми рассветными сумерками даже задремала, сидя на опостылевшем силосном тюке. А очнувшись от бодрого голоса:

– Привет, подружка!

Решила, что ей видится сон, в котором, как само собой разумеющееся, присутствует Георгий. Но очень уж реальным было его присутствие, тем более что голос прозвучал снова:

– Выглядела чего-нибудь, Юля?

Тут она окончательно сообразила, что никакой это не сон. Над окопом присел на корточки Георгий и разглядывал ее безо всякого удивления, придерживая рукой темную хозяйственную сумку.

– Ты что здесь делаешь? – очумело спросила она.

– Тебя стерегу.

– Зачем?

– Вылезай. Домой тебя провожу.

– Мне нельзя домой. Я к тетке первым автобусом поеду.

Он протянул руку, выдернул ее наверх и потащил по тропе, что вела напрямую к тет-киной деревне – Шакше.

– Как ты меня нашел? – спросила Юлька.

– Ты сама нашлась. Захватила без спросу мою квартиру и устроилась в ней.

– Это твой окоп?

– Мой.

Юлька ничуть не удивилась, ровно бы продолжался сон. А во сне любая небыль вос-принимается, как жизненный факт.

– Значит, ты тоже за ними следишь?

– Тоже, – ответил он, продолжая держать ее за руку.

– А куда ты меня ведешь? – сделала она попытку уяснить обстановку.

– В Шакшу.

– Откуда ты знаешь, что мне туда надо?

– Видел тебя там.

– Захотел встретиться со мной?

– Считаю, что захотел.

– Как же ты вычислил меня?

– Случайно. Сторожу один богатенький дом. Хозяйка отправилась по Европам и наняла меня на месяц, чтобы дом не разграбили.

Юлька обратила внимание на то, что обычно франтоватый Георгий Кацерик выглядит довольно непрезентабельно: серенький спортивный костюмчик, выдавшие виды кроссовки. Нищий студент, да и только.

– Другую работу не мог найти? – спросила она.

– Так надо, Юленька.

– Тот дом на улице Садовой?

– Да.

– Там не хозяйка, а хозяин. Дом только записан на Зинку. А принадлежит пожилому армянину. Он скупил у колхозников четыре избы подряд, в одной Зинка жила. И досталась ему вместе с избой.

– Откуда тебе все известно?

– Тетка рассказала. Она знает все и про всех.

Выползшее солнце освещало набитую сотнями ног тропу. Серебряными брызгами поблескивала на траве роса. Юлька воспринимала происходящее, ровно в продолжавшемся сне. А может, она и не отошла еще полностью и продолжала дремать на ходу. Хотя ощущала себя абсолютно бодрой.

– Что же ты разглядела, подружка, в свой бинокль? – спросил Георгий, когда они спу-стились с холма.

– Три машины и полковника. Еще пятерых кавказцев и одного важного русского, кото-рый приезжал разбираться с убийством Лебедева.

– Ты, Юля, влезла в мужскую игру. Надо подумать, как выйти из нее с меньшими поте-рями.

– Я не хочу выходить. Пока не отомщу.

– За подружку? – в его голосе прозвучала ирония.

– За нее.

Они шагали рядом, касаясь друг друга плечами. Ей это было приятно.

– Что за люди приезжали к Мирзоеву? – спросила она.

– Важный русский – это милицейский генерал Александр Коршунов. Прозвище – «Шура-лимон». При Брежневе был майором. При Андропове выгнали за взятки. Ельцинский министр восстановил его в кадрах и приблизил к себе. Сейчас он все равно, что кардинал Ришелье при милицейском короле.

– Кто у нас милицейский король?

– Темная ты, Юлька! Господин Гнушайло!

– А кавказцы кто?

– Тот, что в костюме, – представитель Ичкерии в Москве. Вор в ранге дипломата. Другой, с кейсом, набитом баксами – самый злобный из всей коды.

Хоть Юлька и предполагала что-то подобное, но все равно поразились. То, что сообщил Георгий, не лезло ни в какие ворота.

Они уже миновали первые шакшинские дома. Теткина изба была в другой стороне села. Идти к ней было еще рано, до первого автобуса оставалось полтора часа. Появлюсь – исполошится, начнет подозревать, выпрашивать, подумала она.

– Мне рано к тетке, – пробормотала Юлька.

– Есть хочешь? – спросил Георгий.

– Хочу.

– Тогда идем ко мне. Не против?

Еще бы она против! Рада была до смерти! Но скромненько проговорила:

– Нет, не против.

Они свернули в узкий проход между двумя дощатыми заплатами. Тропа тут заросла будыльником и чертополохом. Растения были усыпаны росой, и ее кроссовки стали мокрыми и чистыми.

К новым Зинкиным хоромам вышли с тыла. В усадьбу проникли через садовую калитку, которую Георгий отпер, слегка поковырявшись в замке.

Прежде всего, он зашторил в доме все окна плотными занавесями. И только потом включил электричество. Когда под потолком вспыхнула люстра, Юлька с любопытством огляделась. Прихожая, где она стояла, была без привычного потолка. Потолком служила высоченная куполообразная крыша, расписанная под летнее небо с белыми кучевыми облаками.

В открытую дверь видна была вместительная комната с камином, с ковром на полу и тянувшимся вдоль двух смежных стен закругленным длинным диваном – ложись с любой стороны, и еще место останется.

Георгий поставил на газ кастрюлю с водой и улез наверх переодеться. Юлька сняла мокрые кроссовки и носки. Прошла в зал, ступая босиком по ворсистому ковро. Залезла с ногами на диван.

Неплохо устроилась Зинка! На вычурных подставках покоились плоский телевизор и музыкальный комбайн. Справа от камина стоял в окружении резных стульев сработанный под старину стол чистого белого дерева.

– Хорошего дизайнера нашел хозяин, – сказал успевший переодеться Георгий.

Нищий студент испарился из него. В легких бежевых брюках и в светлой рубашке с открытым воротом он, как и раньше, выглядел франтоватым и удачливым. А Юлька почувствовала себя невзрачной, как гадкий утенок. Но не выказала этого.

– Тут не дизайнер работал, – небрежно возразила она ему. – Тут все сделал колхозный плотник дядя Валера Рулёв.

– Значит, не перевелись еще на Руси самородки, – сказал Георгий.

– Зажги камин, – попросила Юлька.

– Нет, Юля. Нам ни к чему дым из трубы... Кормить тебя сейчас стану. Есть казенные пельмени, колбаса, помидоры и огурцы. Годится?

Она согласно кивнула.

– И еще есть приличный коньяк. Выпьешь рюмочку?

– Ага, – нахально согласилась она...

Как заправский официант, Георгий вкатил столик на колесиках с коньячной бутылкой в центре. Наполнил свой фужер и ее рюмку. Поухаживал за ней, наложив в тарелку пельменей, а в блюде – нарезанных помидоров.

Юлька, словно завсегдатай застолий, подняла рюмку и потянулась к нему чокнуться. Чокнулись. Он легко опрокинул в рот полфужера коньяка и стал поглощать пельмени, будто не ел целый день. Она цедила коньяк маленькими глоточками. Получалось очень даже неплохо, хотя раньше ничего крепче шампанского не пробовала. С каждым глотком она чувствовала себя все увереннее. Тем более что ее косички с бантиками исчезли с уездом маман.

Когда она выцедила всю рюмку, Георгий поглядел на нее с любопытством и сочувствием – ну прямо как папа... Вспомнила своего умненького папу, и тут же всплыл в памяти следователь – сморчок со звучной фамилией Какашин. Как же она забыла совет папы сообщить о сморчке Георгию?

– Между прочим, – сказала она, – к нам человек приходил из прокуратуры. Тобой интересовался.

– Я предполагал, что так будет. Что ты ему сказала?

– Что первый раз тебя увидела в тире. Что ты развез нас с Валец Пинегиной по домам, вот и все знакомство.

– Молодец, малышка!

– Не относись ко мне, как к маленькой, Георгий.

– Зови меня Герой, – сказал он.

В голове у нее приятно шумело. Всё воспринималось острее, чем обычно.

– Не сердись, Юленька. Выпивать больше тебе нельзя. Ешь пельмени

В ней вдруг пробудился зверский аппетит, и тарелка вскорости опустела. Она отодвинула ее.

– А ты кто, Гера? – спросила.

– Никто.

– Не ври. Из КГБ?

– Сейчас нет КГБ. Есть ФСБ.

– Тебя зачем сюда прислали?

– Дело одно нарисовалось.

– Что за дело?

Он задумался. Ответил после затянувшейся паузы:

– Ты не представляешь, как все серьезно.

Затем подошел к ней, провел, как когда-то в гостинице, ладонью по волосам. Она подумала, что он хочет ее поцеловать, и приготовилась к этому. Но, увы, опять ошиблась.

– Ты уже и без меня влезла в нашу разборку, кое-что тебе знать не помешает. Хочешь послушать, о чем эти сволочи, говорили в особняке?

– Хочу, – кивнула она.

– Садись на диван, – залез в свою старушечью сумку, пристроенную подле камина. Достал какой-то приборчик размером в спичечный коробок. Тоже сел на диван. Ткнул в коробочку коротенькой спицей и положил между ними. Сразу же раздался голос с кавказским акцентом.

– Нэ нада проверять, Шура-джан. Грины банковские.

Юлька догадалась, что «Шура-джан» – это москвич.

- Я понимаю, эта сумма за катеньки и цинки.
- Да. Еще нам стрелки нада.
- Со стрелками сложно, Зелимхан.
- Нэ нада имя. Теперь я Магас.
- Почему «Магас»? Намёк на ингушскую столицу?
- Умный человек придумал. Новое имя, как рыба плавает. То я – Магас, то – другой.

И третий тоже Магас. Кого федералы искать будут?.. Что ты про стрелки сказал?

- Сложно достать, Магас.
- Тебе не сложно. Твоя фамилия – ошибка. Ты не Коршунов, ты Орлов! Орёл!
- Хватит, Магас, – остановил его москвич.
- Не будь жадный, Орёл! Скажи свою цену за стрелки?
- Сколько штук надо?
- Двадцать.
- Сам посчитай: пол-арбуза за штуку...

Возникла пауза, и Юлька шепотом спросила Георгия:

- Как понять «пол-арбуза»?
- Арбуз – миллион в долларах.
- Ни фиги себе! – вслух поразились она.
- Дорого, Шура-джан. Где десять арбуз вазму?
- Ты и больше найдёшь, если захочешь.

Нет, не напрасно москвич заработал свою кликуху «Шура-лимон». Не похоже, что он готов уступить. И в дискуссию видно не захотел вступать, потому как вмешался Мирзоев:

- Стрелки на особом учете.
- Тэбэ слов нет, Гасан. Ты малый чалвэк.
- Он – мой человек, Магас, – снова заговорил Шура-лимон. – Все контакты только через него.

- Когда тебя нет – да! Давай за пять арбуз!
- Мой шеф, хоть и дурак, но доля его не дурацкая.
- Убавь его долю.
- Я хожу по лезвию ножа. Мой дурак – моя крыша. Десять арбузов!
- Без ножик режешь! Пять, а?
- Прошу к столу, там договоримся.

Приборчик замолчал. Если в нем и была пленка, то крутилась она совсем бесшумно.

- Не хватило мощности до столовой, – пояснил Георгий.
- Как ты, Гера, ухитрился все это записать? В их кишлак залез?

Он уставился на нее с удивлением.

- Откуда ты знаешь, что эта явка – кишлак?
- Подружка рассказала.
- Та, которую изнасиловали?
- Она... Ты не боялся, Гера, что тебя там застукают?
- Я не был внутри, Юля. Внешний жучок сработал. Ты все поняла?
- Не все. Что такое цинки, стрелки?
- Цинки – это коробки с патронами. Стрелка – переносной зенитный комплекс.
- Чтобы наши вертолеты сбивать?
- Да.
- Но это же кошмар!..
- Лебедев подозревал Мирзоева в двурушничестве. Мы не успели помочь ему.
- Почему же их не арестуют, Гера?
- На это есть причины, о которых знать тебе не положено.

В этот момент приборчик-слухач ожил. Она услышала голос Холеной морды:

– Мы поехали, Шура-джан. Надеюсь, твой пропуск даст зелёный свет?

– Можешь быть спокоен...

Георгий убрал свою хитрую игрушку в хозяйственную сумку. Юльке захотелось вытянуться на диване и полежать.

– Я провожу тебя через калитку, – сказал Георгий.

– Мне сейчас нельзя к тетке. От меня коньяком пахнет. Можно, я у тебя отдохну?

Он обречено вздохнул:

– Пошли наверх...

Две двери наверху были настежь. В одной из спален стояла широченная тахта, другая была похожа на девичью келью – с односпальной деревянной кроватью и трельяжем у изголовья. Туда Георгий и завел Юльку. Достал из комода чистое белье, сам застелил постель.

– Раздевайся и ложись, – сказал. – Я тоже сосну минуток сто, – и утопал по лестнице.

Юлька сбросила с себя верхнюю одежду. Осталась в одних трусиках, лифчика, как и всегда, не носила. Потрогала свои красивые груди, глянула на них в трельяжное зеркало и нырнула под махровую простыню. Закрыла глаза, но засыпать не собиралась. Прислушивалась, не поднимается ли к ней Георгий. Поторапливала его мысленно. Но он, бесовский, оказался глух к ее немим призывам.

Сколько она пролежала в таком томительном беспокойстве, ей было неизвестно. Оно, беспокойство, давило на нее и злило. Сколько можно испытывать такое давление! Наконец, она не выдержала, решительно откинула простыню и, не одеваясь, шагнула на лестницу. Спускалась с остановками и бьющимся сердцем.

Свет в зал проникал из кухни. Остатки предутреннего пиршества были уже убраны и посуда перемыта. Георгий, раскинувшись на спине, лежал в одних плавках. Грудь ее напряглась. Она сделала еще шаг и бросилась в его постель, как Анна Каренина под поезд.

Наверное, он тоже ждал ее. Потому что мгновенно открыл глаза, сграбастал ее и уложил рядом с собой. Она в беспамятстве прижалась к нему и почувствовала, что плавки у него торчком. Это не оттолкнуло от него. Наоборот, она прижалась плотнее, и его торчок ей не мешал. Он осыпал легкими поцелуями ее лицо, шею, грудь. Она таяла от них, пока не истаяла совсем. Затем почувствовала мгновенную боль внизу и поняла, что он вошел в нее весь. Боль стала приятной, она готова была терпеть ее до окончания жизни, уходившей в бесконечность.

Способность воспринимать мир вернулась к Юльке, когда они уже лежали рядом и молчали. Молчание нарушил Георгий:

– А я ведь сомневался, Юля, в том, что ты собираешься мстить за подружку. Думал, что это тебя в кишлаке изнасиловали.

Она слышала его слова, но смысл их до нее не доходил. Ощущение было таким, будто она бездумно покачивалась на волнах.

– Если бы я знал, что ты девица, – снова заговорил Георгий, – не подпустил бы тебя к себе.

И тут только до нее дошло.

Значит, несмотря на все пыхтение Холеной морды, она осталась целенькой? Как могло такое случиться? Может, оттого, что он был сильно пьян? Да и она выворачивалась из-под него, насколько хватало сил... Боже, как же она была счастлива в те минуты! Счастлива, что первым мужчиной в ее жизни стал Георгий.

– Ты прости меня, Юленька, – услышала она его голос.

За что ей было его прощать?.. Наоборот, благодарить должна. Оставив эти мысли при себе, Юлька повернулась к нему. Обняла, как свою собственность. Прошептала:

– Я люблю тебя.

Млея от благодати, она хотела услышать, что он от нее без ума или что-то вроде этого. Недаром говорят, что женщины любят ушами.

Видимо, почувствовав ее состояние, он просительно произнес:

– Давай о любви поговорим позже, а?

– Когда позже?

– Просто не время сейчас, Юленька... Поспи немного.

Но она не могла спать, хотя и мечтала в окопе, что днем отоспится. Лежала, вся в осознании происшедшего. В голове ее прокручивались идиллические картинки их будущей семейной жизни, как будто все уже было решено, и ничто не могло поколебать счастливого расположения звезд.

5.

Проснувшись она от голоса Георгия:

– Юля, вставай и быстро одевайся! Уходим.

Она открыла глаза. Увидела его у окна в затрапезном спорткостюме с множеством карманов. Он придерживал рукой отогнутую занавесь. И старушка-сумка была подле него.

– Что случилось, Гера?

– Поторопись, Юля!

Она никак не могла найти свои трусики. Разыскивая их, обнаружила на простыни небольшое красное пятнышко. С мгновенным удовлетворением задержалась на нем взглядом... Трусики валялись на полу со стороны ног. Юлька натянула их. Хотела было подойти к Георгию, чтобы тоже заглянуть в окно. Что за паника? Зинка с армянином, что ли, вернулись?..

Но Георгий показал ей рукой вверх и повторил вполголоса:

– Скорее!

Она сообразила, что мешкать нельзя. Взлетела по лестнице, наскоро оделась. Но особой тревоги пока не ощущала. Когда спустилась, Георгий уже подошел к другому окну, тому, что в прихожей. Сказал:

– Обложили.

– Кто обложил?

– Омоновцы.

Лицо у него было жестким и озабоченным.

– Слушай внимательно. Я уйду первым через это вот окно.

– Я с тобой, Гера.

– Не перебивай. Сними кроссовки и надень Зинкины калоши.

– Они мне велики.

– Зато следов твоих не будет. Вылезешь в окно после того, как услышишь выстрел.

– Какой выстрел?

– Мой. Сразу за яблоней – две доски в заборе на одном гвозде. Раздвинешь их и окажешься в огороде соседа.

– Там дядя Виль Крылов живет. Он отказался продавать армянину избу.

– Иди через его крыльцо в улицу и сразу к тетке. Возьми мою сумку и надежно спрячь, – он запустил в сумку руку, вытянул свой хитрый диктофончик, переложил во внутренний карман.

– А ты?

Но он уже толкнул оконные створки и, пригнувшись, беззвучно исчез.

Она автоматически расшнуровала и сняла кроссовки. Затолкала их в Герину сумку. Сунула ноги в Зинкины расхлябанные галоши.

В этот момент в дверь дома заколотили, и каждый удар отдавался в ее голове стуком. Она стояла растерянная. А удары продолжали сыпаться. Из онемения ее вывел одиночный выстрел. Вслед за ним резанула слух автоматная очередь.

Колотить в дверь перестали. Юлька подхватила сумку, она оказалась неожиданно тяжелой. Окно распахнулось от легкого толчка. Она перевалилась через подоконник, едва не потеряв галошу. Яблоня, усыпанная белым анисом, была всего в двух метрах. Скакнула за нее, шлепнулась на колени возле забора.

Нужные доски нашла сразу. Шмыгнула в щель и поставила доски на место. Ринулась напрямую к соседскому крыльцу. И уже ступила на доски, когда проскрипела дверь, и дорогу ей преградил дядя Виль.

– Ты чего это, Юлька, грядки топчешь?

– Здравствуйте, Виль Львович, – смиренно произнесла она – Простите, пожалуйста.

– Как ты в мой огород попала?

– Ой, Виль Львович! Кто-то стрелял, я как раз мимо вашего дома проходила. Ну, и через плетень, – и виновато развела руками.

С волнением Юлька уже справилась. Любая непредвиденность мгновенно заставляла ее сосредотачиваться.

– А ведь и в самом деле вроде стреляли, – сказал Виль Львович.

И тут снова раздалась автоматная очередь, но уже на удалении. В ответ – два пистолетных выстрела, и звенящая тишина... Юлька внутренне ахнула: пистолетные выстрелы – это, наверняка, его. Только бы живой остался! Только бы ушел!

Виль Львович уставился туда, откуда донеслась стрельба.

– Заходи-ка, Юлька, в избу от греха подальше.

Она оставила на крыльце Зинкины галоши и шагнула за хозяином. Бедненько было в избе и тесно. Юлька не знала, сколько лет Вилеу Львовичу, но он даже для ее тетки Любы был старым. Однако на завалинке не сидел. Все лето копошился в огороде. Без конца ремонтировал свою «Копейку», которая была раза в полтора старше Юльки. Но все еще бегала, и он ездил на ней на рынок, где продукты были дешевле, чем в армянском магазине.

Юлька прошла в горницу. На столе стояла миска с вареными картохами.

– На базарчик, что ли, ходила? – спросил ее Виль Львович.

– Ага, – машинально ответила она.

А сама продолжала оставаться рядом с Герой-Георгием, погруженной в мысли о том, удалось ли ему уйти от мирзоевской погони и куда уйти.

– Чаю хочешь? – спросил хозяин. – С конфеткой?

– Нет. Мне к тетке надо.

– Как знаешь. Стрелять вроде перестали.

Она снова вхлябалась в галоши и вышла на улицу. Дошла до мосточка через промоину. Присела на крутом бережку. Достала из Гериной сумки свои кроссовки. Заглянула вовнутрь. В сумке прятался от людских глаз элегантный чемоданчик. Застегнула на сумке молнию. Надела кроссовки. Кинула вниз галоши – прямо в бурливый ручей. И спокойно зашагала к теткинному дому.

Все-таки Юлька чувствовала себя неуверенно. Надо было набраться храбрости, чтобы предстать пред теткины пытливые очи. Еще издали она заметила, что окно в избе открыто. Подходила к дому, стараясь выглядеть беззаботной и даже веселой. Хорошо бы, чтоб тетя Люба не заметила ее сразу. Ей еще надо было спрятать Герину сумку.

Она притормозила у открытого окна и услышала мужской голос:

– Любаня! Мана ригян!

Так мог говорить только дядя Саня Наумов, давняя тети Любина симпатия. Как перевести на русский это «Мана ригян», она понятия не имела. Спросила однажды у папы, который от безделья начал изучать башкирский и татарский языки.

– Правильно будет «Мана дигян», – ответил он.

Если отбросить все тонкости, получалось – «все в порядке», «очень надежно», что-то вроде «О кей!» для американцев. Дядя Саня на тонкости внимания не обращал, при случае свободно болтал по-татарски, и этому никто не удивлялся. Поговаривали, что покуролесил он в молодости вволю. Искал фарт на Колымских золотых приисках. И даже отметился там с дочкой самого главного начальника. Так оно было или не так, знал, наверное, только он сам... Вернувшись в Шакшу, узнал, что тетя Люба вышла замуж. Недолго думая, окрутил приехавшую к кому-то в гости из Карелии девочку-пигалицу по имени Валя. Да так с ней и остался...

Везло Юльке нынче на приключения и нежелательные встречи. То Виль Львович, теперь вот дядя Саня. Ей бы одной побыть.

А дядя Саня, похоже, решил объясниться в любви.

– Ты, Любаня, как девочка с персиками с картинки.

– Все ты врешь, Санька. Я не девочка с персиками, а бабка с курагой. Ну, чего затряс головой, словно у тебя там мысли застряли?

– Обижает, Любаня. Я же, как пчёлка, пашу целыми днями.

– Все вы, мужики, как пчёлы: нектар собираете с одних баб, а мёд приносите другим.

Юлька не стала дослушивать их пикировку. Пригнувшись у окошка, прошмыгнула в распахнутую калитку. Забралась по приставной лестнице на сеновал. Утопая в пахучем сене, дотяпала на коленках в дальний угол. Пристроила сумку, закидала ее сеном. Успокоенная, спустилась с сеновала и направилась в дом.

Тетя Люба, увидев ее, всплеснула руками.

– Задержалась ты сегодня, племянница!

– Двигай к столу, уважь стариков, – воскликнул хмельной дядя Саня.

– Не говори ерунды, материк! – осадил его тетя Люба. – Если ты уже не топчан, то мне до старухи еще далеко.

Юлька некоторое время никак не могла перевести на нормальный язык теткин «топчан», пока не сообразила, что оно связано с петухом, который топчет кур.

– Ты как всегда права, Любаня, – пошел на попятный дядя Саня. – Мана ригян!

Он был мастером на все руки: по слесарному, токарному, плотницкому и прочим делам. К нему обращались со всякой нуждой, а расплачивались за работу самогонкой. Другой бы на его месте концы отдал от ежедневного питья, а ему хоть бы хны! Идет по деревне и поет одну и ту же песню:

*Опять по пятницам
Пойдут свидания
И слезы горькие
Моей родни...*

Юлька поняла, что у тети Любы появилась хозяйственная проблема, и она зазвала своего давнего ухажера, чтобы разрешить ее на халяву.

Есть Юльке совсем не хотелось, и она лениво ковырялась в тарелке с голубцами. Тетя Люба поднялась, включила телевизор. Голос диктора сообщал, что во Владивостоке военным отключили за неуплату свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.